

В. В. Тевлина

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ РУССКИХ ДЕТЕЙ, ПОСЕЛИВШИХСЯ В СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ (ПРИМЕР КОММУНЫ СЁР-ВАРАНГЕР)

Кому-то может показаться не очень значимым изучение положения детей-иммигрантов из России в связи с немногочисленностью данной группы по сравнению с остальными (Азия, Африка, Европейский Союз и т. д.) в Норвегии. Между тем эта группа входит в восточноевропейскую группу мигрантов и в совокупности может составлять достаточно большое число приехавших в Норвегию молодых людей. В этом случае определение тенденций и особенностей иммиграции из Восточной Европы на основе анализа российской группы приобретает большое значение. Кроме того, российская иммиграция особенно интенсивна в Северной Норвегии, поэтому целесообразно анализировать не только основные тенденции для понимания особенностей иммиграции данной категории граждан, но их потенциальные возможности для Севера и Норвегии в целом.

Как обстоит дело с благоустройством и занятостью детей школьного возраста, приехавших из России и проживающих в настоящее время на Севере Норвегии? Комфортна и благополучна ли жизнь детей на новом для них месте? Что они думают о своем будущем? Такие вопросы возникают в процессе осмысления темы иммиграции детей и семей, преодолевающих границы вообще и границу между Норвегией и Россией в частности.

Чтобы внести свой вклад в осмысление не очень простой темы, мы решили сосредоточить особое внимание на детях из России, иммигрировавших в северную часть Норвегии в конце 1990-х — 2000-е годы. Этот

период является важным для развития экономики, политики и социальной сферы России и Норвегии по отдельности и в то же время для их сотрудничества в разных областях и особенно вблизи приграничных территорий.

Если говорить в целом о количестве иностранцев, приехавших и проживающих в Норвегии (по данным на конец 2009 года), в Финнмарке и Сёр-Варангере в частности, который будет служить определенным маркером в нашей аналитической статье, то здесь важно отметить следующее. К концу 2010 года Статистическим бюро Норвегии в стране было зарегистрировано 4 млн 908 тысяч 100 жителей, из которых 0,2 %, или 9738 человек, проживают в коммуне Сёр-Варангер на Севере Норвегии¹. Это, конечно, малая доля населения от всей численности жителей государства, но крайне важная по своей социально-культурной и экономической значимости.

В Норвегии на 1 января 2010 года было зарегистрировано 14 673 иммигрантов из России, из которых 13 470 человек числятся как иностранцы (то есть остаются гражданами России), а родившиеся дети от российских родителей в Норвегии составляют 1403 человека. Эти иммигранты главным образом приехали в 1997–2009 годы, то есть проживают в Норвегии последние 10–12 лет. Очевидно, что часть из них привезла с собой маленьких детей (так как ввести в Норвегию подростков было не так просто в те годы). То есть этим детям в 2009–2010 годах было от 12 до 15 лет, если считать, что средний возраст привезенного ребенка — 3 года.

Между тем еще одной и, может быть, более существенной отличительной чертой Финнмарка и особенно Сёр-Варангера является показатель доли иммигрантов из России от общего числа иммигрантов из стран, не входящих в ЕС. В Сёр-Варангере он составляет 85 %, что в 12 раз превышает тот же показатель по Норвегии². В Финнмарке доля иммигрантов из России так же достаточно высока и составляет 66,6 %. То есть знание о том, как устроена жизнь и деятельность российских граждан в Норвегии и что нужно еще сделать для их улучшения, во многом может быть получено при изучении положения русских мигрантов в Сёр-Варангере. В Сёр-Варангере дополнительными факторами влияния являются близость российской границы, северный характер территорий и особенности взаимоотношений местных жителей и приезжих.

В Сёр-Варангере в конце 2009 года россияне составляли 3,1 %, или 295 человек местного населения, что не так много. 95 % живет в муниципальном центре — Киркинесе. Между тем Киркинес занимает 2-е место по численности проживающих россиян (русских, как называют этих людей в Норвегии, что не правильно). На первом месте в Северной Норвегии

стоит город Тромсё (438 человек), а на третьем — Альта (202 человека)³. Таким образом, значение Киркинеса как территории проживания иммигрировавших из России граждан достаточно велико.

В Сёр-Варангере на 1 января 2009 года было зарегистрировано около 95 детей из России от 0 до 17 лет. Среди них доля детей, родившихся в России, составляет почти 70 %, или около 50 человек. Фактически это каждый второй ребенок-иммигрант. Это дети от 6 до 17 лет, которые приехали в Норвегию, но большинство из них продолжает оставаться российскими гражданами в течение последних 10 лет. Такие дети сейчас учатся в средней школе Киркинеса, и их средний возраст составляет от 6 до 15 лет.

Другая часть российских детей, или 45 человек из 95 упомянутых, как правило, имеет российскую маму. Однако большинство из них — это дети от 0 до 5 лет, вероятнее всего, они родились в Норвегии, поэтому лишь на 50 % имеют российские корни. Но так как их мамы из России, и, как правило, в России проживают родственники, то, думается, они невольно впитывают российскую культуру, традиции и язык и продолжают быть их носителями.

Таким образом, в Сёр-Варангере и прежде всего в Киркинесе почти каждый второй ребенок (что достаточно много) из числа иностранных детей имеет причастность к России и в большинстве случаев остается российским гражданином. Но детей старшего возраста меньше, как свидетельствуют статистические данные. Вероятно, это связано с тем, что наибольший приток женщин-иммигранток в Сёр-Варангер пришелся на 1999–2003 годы, когда средний возраст привезенных в эти годы детей составил примерно 5 лет.

Ряд базовых теорий позволил нам учесть социально-культурные аспекты иммиграции, оценить уровень и характер социального благосостояния ребенка в новой среде проживания. *Теория ассимиляции* может быть применима в нашем исследовании для объяснения возможности полного «вхождения» приехавших иммигрантов в норвежскую среду проживания. Так, согласно Gordon (1964), дети спустя 2–3 поколения после иммиграции своих родственников практически сливаются (ассимилируются) с коренным населением⁴. У этих иммигрантов исчезают конфликты между ценностями своими и новой страны, а также между влиянием семьи со своими устоями и властью страны, которая их приняла и предлагает свои ценности⁵.

Мультикультурализм как теория уделяет внимание языку, когда общество разрешает использовать родной язык и религию. Центральной в мультикультурализме и важной для нас является идея гармоничного вза-

имодействия разных этнических и культурных групп в культурно плюралистическом обществе⁶. Схема внедрения иммигрантов может быть также объяснена с точки зрения *теории гибридности*. Понятие «гибридность» раскрывает, как группа мигрантов взаимодействует с коренными жителями⁷. Такое взаимодействие меняет как коренное общество, так и приезжающих иммигрантов. Здесь наиболее сложным является не структурная интеграция иммигрантов внутри страны, а социальная.

В 2009 — начале 2010 года нами были собраны эмпирические данные среди детей-иммигрантов школьного возраста (6–14 лет) из России. В эту группу в Сёр-Варангере официально входят 22 человека, в подавляющем большинстве дети, которые приехали из России с родителями в возрасте от 6 до 15 лет, то есть имеют представление не только о жизни в России, но и о российской школе. Этот факт представляется нам крайне важным для проведения разного рода сравнений, анализа ответов детей о школьной и внешкольной жизни, понимания ими будущего. Кроме того, эта группа детей проучилась несколько лет в норвежской школе и вообще проживает в Норвегии, что также крайне важно для анализа их представлений о жизни на новом месте. Эти дети находятся в активной стадии определения своих культурно-нравственных позиций, выбора профессии, которую надо будет приобретать после 16 лет, привыкания к новым условиям. Все это позволяет говорить о том, что дети 6–14 лет — наиболее перспективная группа для исследования ситуации в группе иммигрировавших на Север Норвегии детей, в особенности из Восточной Европы. В дополнение скажем, что нам удалось полностью изучить эту группу детей, охватив вниманием более 70 % детей, то есть большинство из данной возрастной категории.

В данной статье мы не имеем возможности привести все результаты, полученные нами в ходе исследования. Остановимся лишь на наиболее интересных. Так, на вопрос о том, чем отличается учеба и проведение внеучебного времени в Норвегии от того, что вы видели в России, дети дали разные ответы. Среди ответов о норвежской жизни были следующие: «Больше времени провожу с друзьями и на свежем воздухе»; «В России почти не было свободного времени, только уроки»; «Нет возможности заниматься танцами, рукоделием, разными видами спорта».

Выяснилось, что дети ездят в Россию (особенно через границу с г. Никелем) с периодичностью 2–4 раза в год. Это делают 50 % детей, что достаточно много. Один человек ездит чаще четырех раз в год, однако 2 человека ездят лишь один раз в год. Между тем 4 человека из 15 опрошенных вообще не ездят в Россию.

11 человек из 14 опрошенных, то есть 78,6 % детей сказали, что им нравится осваивать культуру, традиции и условия жизни в Норвегии, так как это интересно и они узнают много нового. Два человека ответили, что они не знают, что говорить, а один — что ему не нравится.

Детям был задан вопрос о том, как они чувствуют себя в связи с тем, что живут именно на Севере Норвегии, и не трудно ли здесь жить. 100 % детей ответили, что они ощущают Север по ряду признаков, в частности, по полярной ночи и более хорошей школе по сравнению с югом. Однако в целом дети признались, что здесь «очень хорошо» и что они «любят Север».

Между тем когда был задан вопрос о том, чем вы хотите заниматься в будущем, если будете жить в Норвегии, лишь один ответ был напрямую связан с Севером Норвегии. Так, один человек сказал, что хотел бы выучиться на учителя хореографии и затем преподавать танцы в Киркинесе. С культурой и разными творческими занятиями связывают свое будущее еще 3 человека из 14. Они, например, хотят быть музыкантами, или работать в театре актерами, или писать книги.

Лишь 2 человека из 14 связывают свое будущее с математикой, компьютерами, то есть технико-математическими и инженерными работами. Спортом на профессиональном уровне хотят заниматься 2 человека, еще 2 человека связывают свое будущее со сферой обслуживания: парикмахер, повар или ветеринар. Один человек хочет стать учителем, другой — полицейским. Еще один человек ответил, что просто хочет работать, но не знает где.

Лишь несколько детей отметили, что хотели бы путешествовать, купить себе жилье, жить нормально, получить интересную профессию. Между тем 3 человека вообще не знали, как ответить на вопрос о своих занятиях в будущем.

В наш исследовательский проект были включены и родители, на 90 % мамы детей-иммигрантов школьного возраста в количестве 15 человек. Это значительная группа родителей, судя по числу детей из России в Сёр-Варангере. Мнения и оценки родителей представляются ценными, потому что они имеют свои представления о школе, занятости детей, их будущем и так далее, идущие из их прошлого опыта проживания в России и настоящего опыта проживания в Норвегии.

На вопрос, нравится ли ребенку учиться в норвежской школе и почему, были даны исключительно позитивные ответы. Как мы отмечали выше, эти ответы подтверждаются и мнениями самих детей о школе. То есть родители

оценивают школу позитивно, а также прислушиваются к рассказам детей о школьной жизни. Даже в своих ответах родители ссылаются на рассказы детей: «Ребенок говорит, что нравятся уроки физкультуры, походы на природу, школьные друзья»; «Учителя относятся к детям с уважением, дети не перегружены», «В школе за год учебы произошло больше интересного, чем за 4 года учебы в российской школе» и т. п.

На вопрос о том, что бы вы все же предложили изменить в системе обучения в школе, чтобы сделать ее более эффективной, родители ответили по-разному:

- добавить часы на математику, английский язык;
- проверять домашнюю работу каждый день, ставить оценки;
- усилить дисциплину на уроках;
- усложнить программу обучения;
- учителям быть более требовательными.

Очень важна роль мам, которые чаще всего приезжают в Норвегию вместе с ребенком. С их помощью формируются основы развития личности ребенка, которые сказываются на его характере. Кроме того, мама продолжает влиять на формирование отношения ребенка почти ко всему, что он увидел в новой стране. Об активной роли мамы говорят и ответы детей, когда они указывают, что говорят с мамой дома по-русски, ездят к родственникам в Россию, при поддержке мамы часть детей посещает «русские курсы». Мама служит связующей нитью между прошлым ребенка, его настоящим и будущим, помогает изучать язык, культуру, историю и в то же время предоставляет ребенку возможность не забывать родину и связать с этими знаниями свое будущее.

В Киркинесе представлено немного из того, что согласно характеристикам мультикультурной модели (Cantle 2001) есть, например, в Англии. В данном поколении приехавших из России детей не наблюдается их сегрегации в школе и послешкольное время. Это вселяет определенную надежду на то, что и в дальнейшем, спустя время, сохранится возможность наряду с активным освоением норвежских устоев не забывать свои исконные традиции. Между тем наши наблюдения и анкеты детей показывают, что, переехав границу и прожив в Северной Норвегии несколько лет, дети все же «онорвеживаются» гораздо быстрее и сильнее, чем хотелось бы. Так,

— разговаривая между собой дома, дети российского происхождения чаще всего используют норвежский язык, а не русский;

— в разговорах между детьми тема России, кроме вопросов приграничного взаимодействия, почти не присутствует;

— в своих планах дети связывают себя больше с деятельностью и жизнью в Норвегии, чем в России;

— большая часть иммигрировавших детей знает много о городах, истории, культуре других стран, но не своей Родины — России.

То есть норвежское общество вроде бы позволяет сохранять язык, обычаи, традиции и другие атрибуты, связанные с Россией, но невольно подталкивает иммигрантов быстрее от этого отходить⁸.

Хорошо или плохо, что дети из России достаточно быстро из мультикультурных детей превращаются в норвежцев? С одной стороны, это хорошо, поскольку, став взрослыми, детям будет достаточно легко учиться и работать в норвежских учреждениях. Более того, таким детям будет достаточно легко стать, согласно теории постиндустриального общества, западноориентированными людьми.

С другой стороны, быстрое превращение в стопроцентных норвежцев, как мы отмечали ранее, не так уж хорошо. Если бы у детей в их поколении сохранялось 10–20 % «российскости», они бы смогли сохранить и затем передать следующему поколению идентичность, язык, ряд традиций, знания о стране, интерес к России вообще, получаемые из книг, рассказов родителей, средств массовой информации.

Элементы «российскости», живя в Сёр-Варангере, можно использовать позитивно, например, когда мигранты из России становятся частью основного общества, но они по-разному вписываются в систему. При этом возникает гибрид, согласно теории гибридности, когда взаимодействие меняет структурно как коренное общество, так и приезжающих иммигрантов⁹. То есть дети и их родители из России в северной части Норвегии за последние 10 лет стали неотъемлемой частью общества.

Между тем в социальном смысле интеграция происходит гораздо сложнее и дольше и окончательно завершится лишь спустя десятилетия. Размышляя о структурном и социальном «проникновении», можно вспомнить тот факт, что в Финнмарке и особенно Сёр-Варангере многие российские женщины замужем за норвежскими мужчинами. При этом 60 % этих женщин имеют высшее образование, что в принципе поднимает показатель уровня образованности общества Сёр-Варангера.

Этот высокий уровень также может позитивно влиять на устремления и планы детей, которых эти женщины привезли с собой, чтобы стимулировать детей получить хорошее образование и использовать его в своей работе на благо норвежского общества. Об этом, кстати, свидетельствуют и ответы детей, мечтающих учиться в высшей школе. Следует приводить

примеры об успешных учениках, престиже хорошего образования, высокого уровня компетентности, о необходимости повышения уровня знаний, которые могут быть взяты из наблюдений. Тем более что все это становится востребованным в Финнмарке, где люди в прошлые десятилетия обращали не столь пристальное внимание на высшее образование в силу отдаленности региона от центральной Норвегии и ориентации на рабочие специальности.

В определенной степени такое отношение к учебе и получению хорошего образования могло бы повлиять и на коренных норвежских жителей, наблюдающих за прибывшими из России иммигрантами и активно общающихся с ними.

¹ Statistisk Sentralbyrå i Norge 2000–2009. URL: <http://ssb.no>.

² Подсчеты сделаны автором на основании данных: Statistisk Sentralbyrå i Norge [Central Bureau for Statistics in Norway], for 2000–2009. URL: <http://ssb.no>.

³ Ibid.

⁴ Gordon M. M. *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. N. Y.: Oxford University Press, 1964.

⁵ Alba R., Nee V. *Remarkings the American mainstream: assimilation and contemporary immigration*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.

⁶ Baumann G. *The multicultural riddle: rethinking national, ethnic, and religious identities*. N. Y.: Routledge, 1999; Kelly P. J. *Multiculturalism reconsidered: Culture and equality and its critics*. Cambridge: Polity Press, 2002; Modood Tarig. *Multiculturalism: a civil idea*. Cambridge: Polity, 2007.

⁷ Kalra V. S., Kaur R., Hutnyk J. *Diaspora & hybridity*. L., CA: SAGE Publications, 2005; Kuortti J., Nyman J. *Reconstructing hybridity: post-colonial studies in transition*. Amsterdam: Rodopi, 2007.

⁸ Rogova A. *From rejection to re-embracement. Language and identity of the Russian speaking minority in Kirkenes*. 2008. URL: www.barinstinstitute.org (MA Thesis).

⁹ Kalra V. S., Kaur R., Hutnyk J. Op. cit.; Kuortti J., Nyman J. Op. cit.